

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 256–268

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 256–268

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-256-268>

Научная статья

УДК 94(470.44–222)|1941/1945|

Саратовская деревня в годы Великой Отечественной войны: мобилизационная политика государства и практика выживания

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, daniilovwik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, Author ID: 308190

Аннотация. В статье состояние сельского хозяйства и материального положения сельских жителей Саратовской области в годы Великой Отечественной войны рассматривается с точки зрения мобилизационной модели советской экономики. Анализируются конкретные показатели и способы реализации политики государства в регионе по максимальной мобилизации в интересах армии людских, материально-технических, продовольственных и финансовых ресурсов деревни, влияние этого фактора на жизнедеятельность населения. Формулируется вывод о том, что мобилизационная политика при отсутствии компенсационных мер и депортации немцев-колхозников привела к крайнему ослаблению производительных сил колхозной деревни области. В условиях войны личное подсобное хозяйство стало не только основным резервом выживания сельского населения, но и оказалось важным мобилизационным ресурсом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовская область, село, мобилизационная политика, ресурсы, колхозное крестьянство

Для цитирования: Данилов В. Н. Саратовская деревня в годы Великой Отечественной войны: мобилизационная политика государства и практика выживания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 256–268. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-256-268>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Saratov village during the Great Patriotic War: The mobilization policy of the state and the practice of survival

V. N. Danilov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Victor N. Danilov, daniilovwik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, Author ID: 308190

Abstract. The article examines the state of agriculture and the financial situation of rural residents of the Saratov region during the Great Patriotic War from the point of view of the mobilization model of the Soviet economy. The specific indicators and ways of implementing the state policy in the region to maximize the mobilization of human, logistical, food and financial resources of the village in the interests of the army, the impact of this factor on the livelihoods of the population are analyzed. It is concluded that the mobilization policy in the absence of compensatory measures and the deportation of German collective farmers led to an extreme weakening of the productive forces of the collective farm village of the region. In the conditions of war, personal subsidiary farming became not only the main reserve for the survival of the rural population, but also turned out to be an important mobilization resource.

Keywords: The Great Patriotic War, Saratov region, village, mobilization policy, resources, collective farm peasantry

For citation: Danilov V. N. Saratov village during the Great Patriotic War: The mobilization policy of the state and the practice of survival. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 256–268 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-256-268>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сформированный в предшествующие полтора десятилетия и продолжавший действовать в последующем мобилизационный тип функционирования экономики, да и в це-

лом советского общества, приобрел максимально выраженный характер. Это проявилось в предельной концентрации на решающих участках обеспечения вооруженной борьбы с агрессором людских, материальных и финансовых ресурсов,

в жестко централизованной структуре государственного управления и категоричных политико-моральных установках. Данная общая схема мобилизационной модели советской экономики, получившей распространение в современной историографии, при всей ее логичности и обоснованности, безусловно, требует исторической конкретики, в первую очередь относительно проявления в мобилизационных процессах секторальных и региональных особенностей, а также их влияния на жизнь тех людей, кто в них непосредственно был задействован. Именно в таком ракурсе предполагается посмотреть на историю саратовской деревни военного времени.

Впервые объективная картина колхозной действительности 1941–1945 гг. была представлена в монографии Ю. В. Арутюняна, вышедшей в 1963 г., что позволило преодолеть имевшуюся до этого в литературе ошибочную концепцию развития сельского хозяйства СССР в военное время по законам расширенного воспроизводства [1]. Эта линия, с одной стороны, на подчеркивание преимуществ колхозного строя, а с другой стороны, на показ огромных трудностей в сельском хозяйстве была продолжена в работах В. Т. Анискова [2], Н. Н. Шушкина [3], А. Ф. Каревского [4] и др. Основательный анализ состояния производительных сил саратовской деревни и труда сельских тружеников, не потерявший своего научного значения и в настоящее время, был предпринят Д. П. Ванчиновым [5]. Современная региональная историография аграрной проблематики по периоду Великой Отечественной войны отмечена исследованиями Г. Е. Корнилова [6], Р. Р. Хисамутдиновой [7], В. А. Бондарева [8] и др.

К настоящему времени относительно мотивации труда колхозного крестьянства в годы войны выявились две крайние позиции: М. А. Вылцана [9], который считает, что он обуславливался исключительно государственным принуждением, и В. Н. Земскова, продолжающего настаивать на доминировании патриотических устремлений крестьянства [10]. Взвешенная и более аргументированная позиция, на наш взгляд, была продемонстрирована на этот счет в многотомном издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» [11], основой которого послужил подход к рассматриваемой проблеме В. Т. Анискова в его последних работах, где труд советского крестьянства охарактеризован как социальная жертва во имя победы [12].

В последние годы в отечественной историографии стала разрабатываться проблема моделей догоняющей модернизации России и СССР, одна из которых была мобилизационной. А. Г. Фонов, рассматривая экономику в условиях мобилизационного типа развития, доказывает, что она ориентирована в первую очередь на реализацию чрезвычайных целей, функционирует,

независимо от критерии экономической целесообразности и эффективности, и подобная экономика не является таковой, поскольку формируется под влиянием внеэкономических факторов [13]. В. В. Седов дал развернутую характеристику мобилизационной модели и выделил ее признаки [14]. На прошедших в 2009 и 2012 гг. в Челябинске всероссийских научных конференциях под общим названием «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в.» не удалось достичь научного консенсуса, что позволяет говорить о незавершенности дискуссии по проблеме мобилизационной модели развития России и свидетельствует о необходимости ее дальнейшего изучения.

Создание в 1930-е гг. колхозно-совхозного строя позволило сформировать в СССР надежный механизм мобилизации продовольственных ресурсов, поскольку в руках государства теперь была сосредоточена основная часть производства и поставок важнейшей сельскохозяйственной продукции. Накануне Великой Отечественной войны на территории Саратовского Поволжья (Саратовская область и АССР Немцев Поволжья) насчитывалось 1926 колхозов, которые обслуживали 190 МТС, и 110 совхозов. Численность же единоличников составляла всего 1269 хозяйств (из более чем 300 тыс.), и они практически уже не играли никакой роли [5, с. 30].

Принятые в течение двух последних предвоенных лет партийно-правительственные постановления по введению обязательного минимума выработки трудодней колхозниками, изъятию «излишков» земель, находящихся в личном пользовании, и изменение системы заготовок сельскохозяйственной продукции усиливали административные рычаги воздействия на выполнение обязательств колхозов перед государством. Показательно в этом отношении выступление на пленуме Саратовского обкома ВКП (б) в декабре 1940 г. прокурора области Князева, который заявил, что «когда речь идет относительно невыполнения плана хлебопоставок, люди думают, что в первую очередь в этом повинны райЗО, во-вторых, прокурор, а в-третьих, судья. РайЗО за то, что не обеспечил как следует организацию уборки, а прокурор и судья – за то, что не привлекает людей к уголовной ответственности» [15, л. 202.]. Сами же объемы требуемых поставок с каждым годом увеличивались. В 1940 г., например, по Саратовской области было сдано хлеба государству на 1,6 млн пудов больше, чем в более урожайном 1937 г., хотя и этого не хватило до выполнения плана (67,8 млн пудов вместо 70,8 млн) [15, л. 79].

Вместе с тем получение дешевого продовольствия из деревни государство стремилось компенсировать оснащением сельского хозяйства новой техникой, выдачей кредитов и ссуд, развитием системы здравоохранения и всеобщего обязательного образования. Крестьяне имели

возможность реализовывать на рынках имевшиеся у них продукты и свободно пользоваться розничной сетью кооперативной и государственной торговли. Несмотря на рост военных расходов в 1938–1940 гг., только Саратовская область получила более 3 тыс. тракторов и 500 комбайнов [16, л. 66]. Не наблюдалось здесь и нехватки механизаторских кадров, как и в целом рабочих рук в сельскохозяйственном производстве. Подготовку за последние четыре предвоенных года в области более 5 тыс. женщин-трактористок можно считать мерой превентивной на случай войны, поскольку в 1940 г. из них стали работать по специальности только 905 чел. [17, л. 106].

С началом Великой Отечественной войны мобилизационные требования по отношению к деревне значительно расширились, теперь это касалось не только изъятия производимого продовольствия, но и имевшихся людских и материальных ресурсов. Сельская местность становится основным источником комплектования Красной Армии, что объясняется как отсутствием здесь сколько-либо заметной системы бронирования от призыва, так и значительным превалированием сельского населения над городским. По переписи 1939 г. в Саратовской области с учетом отошедших к ней районов бывшей АССР Немцев Поволжья проживало всего 2273 тыс. чел., из них городское население составляло 778 тыс., а сельское – 1485 тыс. человек [5, с. 148]. Объявленная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. массовая мобилизация резервистов в армию была проведена организованно и в сжатые сроки. Подсчеты по учетным данным райвоенкоматов Саратовской области свидетельствуют о том, что число мобилизованных в июне – июле 1941 г. из сельской местности Саратовской области составляло более 50 тыс. чел. Не менее масштабной была осенняя призывная кампания. Уже тогда деревня лишилась наиболее трудоспособной и квалифицированной рабочей силы, в том числе до 60% механизаторских кадров. В 1941 г. из Духовницкого района было мобилизовано и призвано 21% довоенного населения, Базарно-Карабулакского района – 18%, Романовского – 16%, Турковского – 15%, Ивантеевского – 14%, Аркадакского – 13%, в то время как аналогичный показатель в самом населенном, но не самом промышленном Кировском районе Саратова составил 11% (11687 чел. от более чем 98 тыс.). В последующем цифры призванных по городу и селу стали выравниваться, поскольку мобилизационный потенциал деревни уже в 1942 г. был сведен к самому минимуму, а в городе он еще оставался. Это можно проследить на примере Духовницкого района, отдавшего в 1941 г. в армию самую большую часть своего населения – 5665 человек, в 1942 г. – 1885, в 1943 г. – 943, в 1944 г. – 535, в 1945 г. – 78 чел. Всего же в годы войны, как показывают подсчеты

по указанным данным, мобилизовано и призвано в армию из Саратовской области более 530 тыс. чел., что составляло около 20% от всего проживавшего здесь не немецкого населения (1925 тыс. чел. по переписи 1939 г., 2/3 из них составляло сельское население).

Особо ощутимым для сельскохозяйственного производства был уход в армию значительной части механизаторов-мужчин. Восполнение этой категории квалифицированных работников МТС и совхозов также решалось в мобилизационном режиме. По соответствующим разнарядкам райисполкомов уже с июля 1941 г. МТС стали готовить на ускоренных курсах трактористов и комбайнеров из числа женщин и подростков. К весне 1942 г. в Саратовской области насчитывалось около 9 тыс. женщин-механизаторов (почти половина всего состава), часть из которых объединилась в 93 женские тракторные бригады [5, с. 63]. Всего же за период войны по области было подготовлено более 65 тыс. новых механизаторских кадров [18, л. 182–261]. Понятно, что далеко не все они вошли в штаты МТС (среднесписочная численность работников МТС составляла от 37,5 тыс. чел. в 1942 г. до 32,2 тыс. в 1944 г.), а их квалификация значительно уступала профессионализму довоенных кадров трактористов и комбайнеров.

В течении всего военного периода продолжался так называемый оргнабор сельской молодежи в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища для последующей работы на городских предприятиях. Хотя и в меньших масштабах, но существовала также практика прямого привлечения кадров из деревни на промышленные предприятия, в первую очередь эвакуированные, которые в наибольшей степени испытывали недостаток в рабочей силе. Так, например, в 1942 г. почти треть работников размещенного в Базарном Карабулаке ленинградского завода «Электровыпрямитель» составляли набранные в окрестных селах девушки и юноши [19, с. 22].

Большое распространение, особенно в первый период войны, получила практика временных мобилизаций колхозников на различные оборонные работы: строительство оборонительных рубежей, полевых аэродромов и железнодорожных веток, расчистку от снега дорог, подвоз боеприпасов и горючего к фронту и т. д. Наиболее масштабным была мобилизация местного населения на сооружение оборонительных укреплений осенью и зимой 1941–1942 гг., которая повлияла на завершение в полном объеме в колхозах уборки урожая. Из 92 тыс. чел., привлеченных в Саратовской области к оборонительным работам, более половины составляли колхозники [20, л. 100]. Причем мобилизовали не только из близлежащих к трассам правобережных сел, но и отдаленных заволжских районов.

Как вспоминал председатель колхоза им. Ворошилова Новоузенского района М. И. Китаев, «уехали почти все женщины старше 18 лет. В селе остались лишь те, у кого были малые дети» [21, с. 120].

Изъятие рабочей силы из сельского хозяйства для нужд фронта и военной экономики было типичным для всех российских регионов, находившихся в европейской части страны. Убыль трудоспособного сельского населения в Саратовской области носила специфический характер в связи с депортацией в сентябре 1941 г. немцев Поволжья. Из всех городов и сел Саратовской области в новых ее границах (к области отошли 15 районов АССР НП) было выселено лиц немецкой национальности 338 215 чел. (74 856 семей), в том числе из города Саратова – 11 330 чел. (3427 семей), из «старых районов» – 35 063 чел. (7958 семей), «новых районов» – 291 822 чел. (63 471 семья) [22, л. 47]. Мобилизационный ресурс депортированного взрослого немецкого населения будет использован через несколько месяцев в трудармии на строительстве крупных промышленных объектов Урала и Западной Сибири.

Для завершения уборочных работ, содержания скота и охраны имущества в «новые районы» временно было послано 30 тыс. колхозников из соседних русских сел. Первоначальный расчет на полное и быстрое целевое заселение бывших немецких кантонов эвакуированными из западных районов страны не оправдался, поэтому основным каналом восполнения рабочей силы в бывших немецких колхозах стало внутриобластное и межобластное переселение колхозников. В общей сложности в 1941–1945 гг. в колхозы «новых районов» направлялось в качестве переселенцев из различных категорий населения около 38 тыс. хозяйств, что примерно было равно количеству довоенных немецких хозяйств (40968), но лишь чуть более половины из них закрепилось здесь, остальные возвратились уже в ходе войны на прежнее место жительства [23, с. 117].

Этот процесс затрагивал все категории мигрантов в тот период, поэтому, несмотря на внушительную цифру размещенного в селах края эвакуированного населения (почти 200 тыс. чел.), они не могли стать равноценной заменой мобилизованным и депортированным колхозникам. Помимо того, что значительная их часть не обладала навыками сельскохозяйственного труда, начиная с лета 1943 г., по мере продвижения Красной Армии на запад, эвакуированные стали покидать колхозы и совхозы Саратовской области, ставя тем самым в трудное положение руководителей хозяйств. В письме первого секретаря обкома П. Т. Комарова в ЦК ВКП (б) от 10 июля 1943 г. недостаток рабочей силы в колхозах Саратовской области определялся в 190 тыс. чел. трудоспособных, из них

62 тыс. падало на «новые районы». На одного трудоспособного здесь приходилось 31 га пахотных земель [24, л. 21], тогда как в целом по области 17 га. Но и эта последняя цифра свидетельствовала о более высокой нагрузке на одного работающего, по сравнению с другими областями Юго-Востока. Примечателен и тот факт, что доля женского труда в колхозах области превышала 85%, тогда как в целом по стране она составляла 80%.

Не менее тяжелые последствия для сельского хозяйства региона имела мобилизация из колхозов, МТС и совхозов на нужды армии транспортных средств и живого тягла. В первые же недели только в Саратовской области в войска было мобилизовано около 17 тыс. лучших лошадей, т. е. 1/3 часть конского состава, а к январю 1943 г. – 34 тыс. голов и около 5 тыс. лучших тракторов [25, л. 88]. Кроме того, было поставлено до 1 мая 1942 г. более 9,5 тыс. конских повозок, в 2,5–3 раза уменьшился парк грузовых автомобилей в МТС [26, л. 104]. Колхозы и МТС потеряли также часть привлеченных на строительство оборонительных рубежей тракторов, автомашин и лошадей. Так, только по 55-му Управлению военно-полевого строительства было выведено из строя 4 трактора и пало от истощения 28 лошадей [27, л. 3]. Примерно такая же картина наблюдалась и в других 11 управлениях 7-й саперной армии. В 1943–1944 гг. из МТС и совхозов области трактора и автомашины направлялись в освобожденные от немецкой оккупации районы РСФСР и Украины.

Оценивая потери энергетических ресурсов в первые годы войны, Д. П. Ванчинов писал, что количественно тракторный парк в МТС, казалось бы, уменьшился незначительно, примерно на 3,5 тыс. единиц. В переводе же на 15-сильные трактора сокращение становится значительным: с 23 тыс. в 1940 г. до 18 тыс. в 1943 г., сокращение произошло в основном за счет гусеничных типов машин (ЧТЗ-С-60, СТЗ-С-65) [5, с. 115–166]. Что касается тягловой силы, роль которой в условиях сокращения тракторного парка заметно возросла, то в справке областной плановой комиссии за 1943 г. приводились следующие данные. Почти 700 колхозов Саратовской области имели не более, чем по 20 лошадей, а встречались и такие, в которых не было ни одной. В Новобурасском районе, например, в 10 колхозах насчитывалось не более 10 рабочих лошадей, в хозяйствах Бакурского района – колхозы имели в среднем по 15 лошадей [28, л. 110]. В этой ситуации от колхозов стали требовать использовать не только волов и верблюдов (юго-восточные районы), но и весь крупный рогатый скот. Уже осенью 1941 г. коровы из подсобных хозяйств колхозников привлекались на вывозку зерна, а в следующем году крупный рогатый скот из обще-

ственного и личного стада использовался и для обработки полей.

Компенсировать значительную утрату деревней трудовых и энергетических ресурсов в создавшихся тогда в стране условиях можно было только за счет уже апробированных мобилизационных рычагов: увеличения напряженности труда занятых в сельском хозяйстве работников и придания ему всеобщего характера. Для этого использовались в первую очередь методы внеэкономического плана. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» обязательный минимум членов сельхозартелей увеличивался почти в полтора раза и впервые он распространялся на подростков 12–16 лет. Колхозники, не выработавшие установленного минимума, должны были исключаться из сельхозартели и лишаться приусадебного участка, с последующим наказанием исправительно-трудовыми работами [29, с. 310–311]. В. В. Кондрашин считает, что повышение минимума трудодней подчеркивает превалирование страха наказания за невыполнение своего «долга» в структуре мотивации в годы войны крестьян к труду. «Если было вообще воодушевление колхозников, то зачем было вводить обязательный минимум трудодней?» – задается он вполне резонным вопросом [30, с. 292]. По мнению же В. Н. Земскова, данное постановление было направлено в первую очередь против лодырей и асоциальных элементов, чтобы заставить их работать, потому как этого требовала чрезвычайная обстановка [10, с. 40]. С последним трудно не согласиться, поскольку о сознательном отношении к своему труду основной массы колхозников в военные годы свидетельствуют не столько примеры передовиков и стахановцев (этот факт тоже не следует игнорировать), сколько значительное перевыполнение членами артелей установленного годового минимума трудодней – 150 единиц. В 1942 г. среднегодовая выработка трудодней в Саратовской области мужчинами-колхозниками составила 378 единиц, женщинами – 237, в 1943 г. – соответственно 385 и 230, в 1944 г. – 413 и 248 трудодней. По всем тыловым областям СССР за годы войны выработка на одного трудоспособного выросла на 25% [31, л. 54–56]. Рост числа колхозников, не выработавших минимума трудодней в 1942 г., по сравнению с 1940 г. (с 8% до 13,5%), объясняется главным образом притоком в артели временных членов из числа эвакуированного населения [32, л. 5]. Все это, однако, ни в коей мере не исключает того, что администрирование и командование по отношению к деревне в годы войны еще более усилились в мобилизационной политике государства, а соответственно, ужесточились и меры воздействия за нарушение приказов руководящих инстанций,

что вполне адекватно осознавалось крестьянством.

Государство в военный период для восполнения нехватки трудовых ресурсов на селе было вынуждено в административном порядке широко привлекать ко всем видам полевых работ (сев, прополка и особенно уборка урожая) население городов и районных центров. Только в 1942 г. в помощь колхозам и совхозам в Саратовской области было направлено 150 тыс. рабочих, служащих и учащихся [33, л. 47]. Характерно, что в вузах Саратова ввиду занятости студентов на осенних сельхозработах учебный год раньше ноября не начинался.

Массовый призыв в армию привел к тому, что властно-управленческая система лишилась в лице коммунистов и депутатов сельских советов значительной части проводников на низовом уровне государственной мобилизационной политики на селе. В первый год войны из 1926 колхозов Саратовской области парторганизации остались в 960 хозяйствах, в 241 – имелись партийно-комсомольские группы. В 847 сельхозартелях не было ни первичных парторганизаций, ни партийно-комсомольских групп [5, с. 208]. Проводившийся в течение всей войны прием в партию новых членов лишь в малой степени количественно и качественно восполнил состав сельских парторганизаций. Такое положение было типичным для всех российских регионов. В связи с этим центр решил вновь, как и в период проведения массовой коллективизации, прибегнуть к чрезвычайным формам партийно-государственного руководства селом. 17 ноября 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) восстанавливались политотделы в МТС и совхозах. Укомплектование их штатов (начальник, заместитель, помощник по комсомольской работе) в Саратовской области завершилось уже в начале 1942 г. Перед политотделами ставилась задача повышения политической работы в МТС, совхозах и колхозах, а также укрепление дисциплины в хозяйствах. 2 июля 1942 г. Политуправление Наркомзема СССР направило на места телеграмму, где указывалось, что работа политотделов МТС будет оцениваться в зависимости от «обеспечения привлечения к общественному труду всех трудоспособных колхозников». Отмечалось что недопустимо, когда политотделы «не интересуются причинами невыхода на работу части колхозников, не помогают колхозам в принятии мер, обеспечивающих выработку всеми колхозниками минимума трудодней, мирятся с запущенностью учета труда, несвоевременным заполнением трудовых книжек колхозниками» [34, л. 44].

За полтора года своей деятельности политотделы, безусловно, сыграли свою роль в мобилизации трудовых ресурсов деревни на выполнение планов сельскохозяйственных работ и поставок

государству хлеба, но не могли изменить к лучшему положение в сельском хозяйстве в целом, к тому же по кадровым и другим вопросам они вступали в конфликт с райкомами и райисполкомами. Именно политотделы МТС чаще всего выступали инициаторами замены руководителей сельхозартелей. За два военных года в 1149 колхоза Саратовской области сменилось 1513 председателей колхозов, а с 1940 г. работало на этой должности всего 203 чел. [32, л. 5]. Были и такие колхозы, в которых за год поменялось несколько председателей. В конечном итоге это привело к ликвидации политотделов МТС в мае 1943 г., что в свою очередь вызвало увеличение количества посылаемых в села в период полевых работ и заготовительных кампаний разного рода уполномоченных из районных и областных организаций.

В сельских советах Саратовской области в годы войны насчитывалось более 6 тыс. депутатов. От них тоже требовалось активное участие в реализации директивных установок в области сельского хозяйства. О роли местных советов в руководстве производственными процессами на селе «всесоюзный староста» М. И. Калинин недвусмысленно написал в своем письме председателю Алексеевского сельсовета Базарно-Карабулакского района, опубликованном в областной газете «Коммунист»: «Председатель сельсовета не может заменить председателя колхоза, бригадира, директора МТС или совхоза... он является оком Советской власти, он должен наблюдать, все ли делается для лучшего проведения весеннего сева... В особенности надо зорко смотреть за разгильдяями, людьми беспечными, их надо понукать, понуждать, чтобы люди поменьше потягивались и зевали, поэнергичнее работали» [35]. Однако следует признать, что авторитет депутатского корпуса на селе был не так высок. Выступая на областном совещании в марте 1945 г., председатель Гановского сельсовета Ершовского района Шлеенкова с горечью отмечала: «Приехал в колхоз т. Андреев (секретарь ЦК ВКП (б) по сельскому хозяйству. – В. Д.). Он в сельсовет не пошел, а пошел в правление колхоза. Там собрался народ, пришла и я. Но меня не пустили в правление, якобы мне там делать нечего» [36, л. 97].

Прежде всего, от деревни в годы Великой Отечественной войны требовалась максимальная поставка сельскохозяйственной продукции. С довоенных лет деревня оказалась опутанной огромной, обремененной безоговорочной властью армией заготовителей. Наркомат заготовок представлял собой нечто вроде государства в государстве, работники которого на селе были обязаны, независимо от их личных качеств, неукоснительно выполнять спущенные сверху планы обязательных поставок. В конце 1942 г. в области работало более 5 тыс. заготовителей, т. е.

почти по 3 чел. на каждый колхоз [37, л. 13]. Заготовительные организации при «выколачивании» из колхозов хлеба исходили из установившегося еще перед войной ущербного по своему характеру так называемого «видового» метода определения урожайности на корню, который не соответствовал реальному намолоту хлебов. Размеры заготовок по видам продукции определялись соответствующими плановыми органами, но практическое их выполнение зависело от результатов работы колхозов и совхозов в тот или иной сельскохозяйственный год, каждый из которых в военный период имел свои особенности.

Уже первые месяцы войны создали невероятные трудности для сельского хозяйства края. Хотя на полях зрел не менее богатый урожай, чем в 1940 г., валовой сбор зерна в 1941 г. был почти на 20% меньше – 2,92 млн т [38, л. 29]. Уборка затянулась до зимы, почти 140 тыс. га колосовых ушло под снег [39, л. 171]. И это несмотря на то, что к уборке урожая было привлечено 40 тыс. рабочих, служащих и домохозяек из городов области. Кроме того, в полевых работах участвовали 200 тыс. учащихся школ и студентов [40, л. 59]. Но они не смогли, разумеется, компенсировать убыль в армию и на военные предприятия, в результате депортации квалифицированных сельских работников, изъятия из МТС значительной части техники. К тому же использование наличной рабочей силы и техники в условиях дождливых лета и осени было крайне плохо организовано. Средняя выработка на один комбайн, например, составила 234 га против 352 га в 1940 г. [41, л. 3]. Особенно значительные потери были в «новых районах». План поставок зерна государству, несмотря на неоднократные предупреждения из ЦК партии о персональной ответственности областного руководства, Саратовская область выполнила только на 70% [5, с. 66].

Результаты уборочной кампании 1942 г. были predeterminedены ходом осеннего и весеннего сева, сроки которых сильно затянулись. Весной 1942 г. вместо 2590 тыс. га по плану колхозы посеяли всего 2300 га, что составило 88%. Правда, сама уборка прошла организованнее и быстрее, и 23 района и 24 совхоза даже провели ее в установленные сроки. Но валовой сбор оказался намного ниже, чем в 1941 г. – 2,2 млн т, сдано же было только 0,54 млн т (37% от плана).

Самым тяжелым сельскохозяйственным годом был 1943 г. К тому времени дефицит в деревне рабочей силы и тягла, исправной техники достиг критической отметки, а поставки горючего МТС сократились в 2 раза, составив в 1943 г. 74,5 тыс. т против 144,7 тыс. т в 1941 г. [42, л. 24, 25]. Крайне ухудшилась агротехника земледелия. Область почти полностью перестала производить яблечную вспашку. Сроки сева яровых с каждым военным годом все более увеличивались: весной 1941 г. сеяли 41 день, весной

1942 г. – 51 день, а весной 1943 г. – уже 55 дней. И поскольку этот год выдался весьма засушливым, то средняя урожайность зерновых составила 3,3 ц с га, а валовой сбор – 0,65 млн т [38, л. 29].

В результате объем хлебосдачи Саратовской области государству в 1943 г. оказался почти в 3 раза меньше, чем в 1942 г., и почти в 5 раз меньше, чем в 1941 г. (152 тыс. т) [32, л. 4; 43, л. 122]. Все усилия партийных и советских органов хотя бы на две трети выполнить план хлебозаготовок, в том числе путем освобождения от работы секретарей ряда райкомов, сдачи части семенного зерна, не принесли успеха. Это стало причиной рассмотрения в октябре 1943 г. на оргбюро ЦК ВКП (б) вопроса о работе Саратовского обкома, в ходе которого вносились даже предложения о замене первого секретаря. В конце осени поисками «припрятанного» хлеба занялась прибывшая в Саратов комиссия партийного контроля ЦК ВКП (б). Так, в колхозах Куриловского района было выявлено в зерновых отходах и в необмолоченных скирдах 430 ц зерна, что дало ей основание сделать вывод: «Хлеб, подлежащий сдаче государству, в колхозах, правда немного, но есть. Председатели колхозов под всякими предлогами скрывают его с целью использования на внутриколхозные нужды». Однако результаты этих поисков не были впечатляющими. В декабре 1943 г. удалось доставить из глубинных пунктов дополнительно еще 1645 т, а в январе – всего 256 т [44, с. 119]. В то же время в 1943 г. было засыпано семян на 1944 г. зерновых – 40,6%, подсолнечника – 58,2%, картофеля – 34,3%, овощей – 20% [45, л. 17]. Такое положение отмечалось практически во всех тыловых районах страны.

Несколько выправить ситуацию удалось в 1944 г., чему в немалой степени способствовали благоприятные погодные условия. К тому же были предприняты меры по своевременному ремонту техники, обеспечению колхозов, совхозов и МТС семенным материалом, горючим и запасными частями. В частности, заводы области в порядке шефской помощи передали запасных частей на сумму 11,5 млн руб. и послали в районы в составе ремонтных бригад более 200 рабочих [43, л. 123]. Все это позволило получить в 2 раза больше урожай зерновых культур, подсолнечника, в 1,5 раза – картофеля и сахарной свеклы, чем в предшествующий год. В частности, валовой сбор зерновых культур составил 1,25 млн т. В целом план хлебопоставок Саратовская область выполнила в 1944 г. на 90,7%, а с учетом скидок и зачетов почти достигла плановых показателей [5, с. 137].

В последний военный год посевные площади впервые не сократились, а увеличились, хотя на 1,7 млн га они еще не достигли довоенного уровня. Однако к уборочной кампании летом – осенью 1945 г. область в целом подготовилась хуже, чем в предыдущий год. Чувствовалось

некоторое ослабление напряжения народа, поскольку война уже закончилась, да и сказывалась изношенность техники. Урожай зерновых не превышал 6,4 ц с га, а валовой сбор был чуть более 1 млн т.

В целом колхозы и совхозы области по обязательным поставкам отдавали государству менее половины собранного урожая. В 1941 г. было сдано 32,5% от общего объема произведенного зерна, в 1942 г. – 27%, в 1943 г. – 33%, в 1944 г. – 47%, в 1945 г. – 39%. Однако это не означает, что остальной частью урожая хозяйства могли свободно распоряжаться. Помимо обязательных поставок продовольствия СНК СССР и ЦК ВКП (б), ссылаясь на патриотическую инициативу колхозников ряда областей страны, своим постановлением от 10 июня 1942 г. вводят дополнительные заготовки в хлебный фонд Красной Армии. Его формирование также носило мобилизационный характер, но исходило, прежде всего, из производственных возможностей колхозов. Поэтому мы видим довольно значительную дифференциацию норм сдачи зерна в фонд Красной Армии, утверждаемых обкомом и облисполкомом в начале каждой уборочной кампании. Так, например, в 1942 г. Аткарский, Бакурский и Петровский районы должны были поставить с гектара пашни 1 кг зерна, Аркадакский – 5 кг, Марковский – 10, Озинский – 15, а Новоузенский и Краснокутский – 45 кг [46, л. 2]. Одним словом, в отличие от обязательных заготовок в данном случае ориентировались в основном на сильные хозяйства, лишая их большей части своих доходов. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что на плечи колхозов ложилась обязанность обеспечивать учащиеся расположенных на их территории школ горячими завтраками. Для этой цели, по данным областного отдела образования, засевалось 4,5 тыс. га полей [47, л. 121].

Значительную долю собранного урожая колхозы отдавали МТС в качестве натуральной оплаты за работу. В 1941 г. она составила по области 436 629 т (15% от урожая), в 1942 г. – 228 380 т (11%), в 1943 г. – 42543 т (6%), в 1944 г. – 180 494 т (14,4%) [42, л. 24–25]. Взаимоотношения колхозов с МТС были далеко не равноправными. Помимо взимания натуральной и денежной оплаты, МТС вынуждали колхозы передавать им якобы займы немалые денежные суммы, которые они потом редко когда возвращали. «Прибегая к незаконным поборам (позаимствованиям средств у колхозов) МТС не обеспечили погашение указанных задолженностей и остались должны колхозам на 1 января 1946 г. 1203 тыс. рублей», – указывалось в резюме Главка Юго-Востока Наркомзема к сводному отчету Саратовского облзо за 1945 г. [48, л. 34].

Государственные заготовки касались не только поставок из общественного хозяйств

зерновых культур, но и картофеля, овощей, мяса, молока, шерсти и другого продовольствия. В табл. 1 приведены данные по заготовкам некоторых видов сельскохозяйственной продукции в Саратовской области по ряду военных лет в сравнении с довоенным периодом.

Таблица 1

Заготовки важнейших видов сельскохозяйственной продукции в Саратовской в годы Великой Отечественной войны, тыс. т

Виды продукции	1940	1942	1943	1944
Зерновые	1474,8	548,7	152,2	569,3
в том числе пшеница	654,5	183,9	67,8	263,4
Картофель	26,4	38,2	11,2	30,1
Овощи	16,6	17,8	18,2	22,4
Сено	27,6	30,4	18,0	15,4
Мясо	20,8	26,2	29,2	25,2
Молоко	47,9	47,5	52,1	50,5
Шерсть	1,3	1,2	1,1	0,98

Составлено по: [5, с. 137].

Кроме снижения и нестабильности поставок зерновой продукции, обращают на себя внимание еще два показателя табл. 1. Во-первых, увеличение в годы войны заготовок картофеля и овощей, поскольку этого требовала возросшая в численности армия, да и посадки этих культур в колхозах и совхозах увеличились; во-вторых, стабильный характер поставок животноводческой продукции, что объясняется более устойчивым характером данного сектора сельскохозяйственного производства. В животноводстве не произошло резкого уменьшения численности работников (на фермах применялся в основном женский труд), широко использовались естественные корма и, по сравнению с полеводством, механизация была минимальной. Кроме того, до 1943 г. выполнение планов поставок животноводческой продукции происходило и за счет эвакуированного в область скота.

Снижение объемов сельскохозяйственного производства и жесткая политика изъятия продовольствия из общественных хозяйств в пользу государства привели к тому, что в период войны удельный вес распределяемых по трудодням доходов в колхозах резко уменьшился. Исключение составляли механизаторы, труд которых, как и до войны, оплачивался по гарантированному минимуму (3 кг зерна и 2,5 руб. на трудодень), в некоторых хозяйствах также использовалась система дополнительной оплаты, носившая по большей части символический характер. Гарантированный минимум хлебного пайка имели также рабочие совхозов. Начиная с 1942 г., они стали получать оплату натурой и за перевыполнение планов на хлебоуборке, что давало немалую по тому времени прибавку к пайку. Однако в связи со снижением фактической

выработки новым пополнением из женщин и подростков уменьшались среднегодовые денежные оплаты и основным категориям работников совхозов. И все же доходы от общественного хозяйства рабочих МТС и совхозов были выше, чем у колхозников. Поэтому не случайно, что в целях закрепления работников в «новых районах» в 1944 г. свыше 100 колхозов области были преобразованы в 41 совхоз.

О сокращении доходов колхозников от общественного производства свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Цена трудодня в колхозах СССР и Саратовской области в годы Великой Отечественной войны

Виды доходов	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР						
Зерно, кг	1,600	1,400	0,800	0,650	н. д.	0,700
Картофель, кг	0,980	0,330	0,220	0,400	н. д.	0,260
Деньги, руб.	0,98	1,07	1,03	1,24	1,12	0,85
Саратовская область						
Зерно, кг	2,800	1,400	0,620	0,220	0,891	0,570
Картофель, кг	0,060	н. д.	н. д.	0,070	0,620	н. д.
Деньги, руб.	0,48	1,80	0,60	0,45	0,49	0,45

Рассчитано и составлено по: [5, с. 156; 49, л. 240].

Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о том, что если в целом по стране выдача хлеба – основного вида распределяемых доходов – на трудодень сократилась вдвое за время войны, то в Саратовской области она упала почти в 5 раз. Уже в 1942 г. саратовские колхозники получили зерна вчетверо меньше, по сравнению с довоенным 1940 г., а общий объем распределяемого зерна сократился с 3928 тыс. ц до 718 тыс. ц [50, л. 7]. В следующем году ввиду неурожая в большинстве колхозов хлеб по трудодням фактически вообще не распределялся. Так как у колхозов постоянно образовывалась задолженность по обязательным поставкам государству, то и в урожайном 1944 г. цена трудодня тоже оказалась низкой.

Разумеется, эти усредненные данные не дают полного представления о размерах получаемых доходов от колхозов по всей крестьянской массе, поскольку, например в 1942 г., до 0,5 кг зерна было выдано на трудодень в 1235 колхозах, 0,5 кг – в 526 колхозах, от 1 до 2 кг – в 118, от 2 до 3 кг и выше – в 6, совсем не выдавали зерна в 31 колхозе Саратовской области [50, л. 7]. С другой стороны, не исключено, что до 1943 г. часть колхозников могла использовать для питания старые запасы хлеба, даже если они истратили до трети зерна на корм скоту. Так, в ряде левобережных районов области (Новоузенский,

Дергачевский, Перелюбский, Чапаевский, Новорепинский, Озинский) с 1938 по 1942 г. в среднем на едока колхозниками было получено от 25,5 до 31,5 кг зерна в месяц. В печеном виде это выражается до 1,5 кг в день на человека. Однако в последние 2 года войны мало у кого оставались довоенные хлебные запасы, а новые практически не делались, поэтому еще большую нужду крестьяне повсеместно испытывали в послевоенные неурожайные 1946–1947 гг. Что уж говорить о колхозниках таких районов, как Бакурский, Дурасовский, Ртищевский, Романовский, где в среднем на едока было получено за пять указанных лет от 6 до 10 кг в месяц. Для их выживания оплата за работу в колхозе имела минимальное значение.

Основным источником жизнеобеспечения крестьян стало личное подсобное хозяйство. Оно в среднем на 85–90% восполняло недостаток продуктов в общественном производстве. За годы войны личное подсобное хозяйство несколько расширилось. Так, если в 1940 г. в Саратовской области на один колхозный двор приходилось 0,17 га посевов, то в 1945 г. – 0,24. Значительную площадь сельчане отводили под картофель и овощи, но почти в 4 раза расширились и посевы зерновых культур [51, л. 2, 3]. Вызванные обстоятельствами стремление колхозников к увеличению площадей приусадебных участков в конце войны власти стали квалифицировать как «разбазаривание земель», отвлекающее от общественного производства. Особое беспокойство у них вызывало то, что пример «злоупотреблений» здесь показывали, прежде всего, сельские руководители – председатели сельсоветов и колхозов, бригадиры. В докладе председателя облисполкома П. С. Кузьмина на областном совещании председателей сельсоветов 20 марта 1945 г. приводились примеры нарушения устава сельхозартели по землепользованию. Так, в колхозах Терновского района более 520 колхозных дворов допустили самовольный захват колхозных земель. Такие же факты имели место в Лысогорском, Макаровском, Романовском, Ивантеевском и ряде других районов. В колхозах Духовницкого района «разбазарено» было 450 га общественных земель. «Эти факты, – констатировал оратор, – приводят к тому, что приусадебные участки теряют значение подсобного хозяйства и превращаются в основной источник дохода колхозника» [36, л. 52].

Поистине кормилицей для крестьян стала корова и за нее они крепко держались, несмотря на все перипетии военных лет. Не случайно, скажем, если поголовье свиней, овец и коз у колхозников, как видно из табл. 3, сокращалось значительно из года в год, то уменьшение общего количества коров и телят главным образом происходило по причине сокращения числа крестьянских дворов. Если в 1940 г. в Саратовской области на 100 колхозных дворов приходилось

85 голов крупного рогатого скота, то в 1945 г. – 112 голов [52, л. 8; 53, л. 1]. По сути приусадебный участок и подворье давали в 10–20 раз больше продукции для личного потребления, чем колхоз на трудодни.

Таблица 3

Численность скота в хозяйствах колхозников Саратовской области в годы Великой Отечественной войны, тыс. голов

Вид скота	1941	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот	213,4	184,2	184,8	189,8	210,8
Свиньи	36,0	17,7	12,5	4,2	4,4
Овцы и козы	533,1	379,7	342,9	333,7	341,4

Рассчитано и составлено по: [54, с. 104].

Как утверждает М. С. Зинич, в целом по стране личное потребление колхозников снизилось в 1943 г., по сравнению с 1939 г., по хлебопродуктам на 35%, по мясу и салу – на 66%. По картофелю оно повысилось на 100%, по овощам – на 24%. Лишь потребление молочных продуктов в деревне осталось на том же уровне [55, с. 75]. Примерно на таком уровне личное потребление колхозников находилось и в Саратовской области. Однако в отличие от ряда других российских регионов (Татарская АССР, Вологодская, Свердловская, Челябинская, Томская и Читинская области) в Саратовской области за годы войны не было отмечено ни одного локального очага массового голода в сельской местности. И в этом основную роль сыграли личные хозяйства крестьян, которые обеспечили им выживание. Особое значение в питании деревни имел сбор дикорастущих плодов, ягод, грибов, лов рыбы. Относительно потребления промтоваров жители деревни во многом перешли на самообеспечение: распространилось плетение лаптей, возродилось домашнее ткачество, пряденые шерсти и т. д.

Личные подсобные хозяйства колхозников стали основным источником поступления продовольствия для продажи на рынках городов и районных центров. В условиях дефицита товаров цены на основные продукты питания здесь постоянно росли до 1943 г. Так, стоимость 1 кг картофеля за два года войны выросла с 2 до 25 руб., капусты – с 2 до 40 руб., говядины – с 28 до 280 руб., свинины – с 28 до 250 руб., животного масла – с 32,5 до 800 руб., литра молока – с 2,2 руб. до 70 руб. В среднем цены на городских базарах были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продававшиеся по карточкам, в 20 с лишним раз. К 1945 г. цены упали, но все равно превышали довоенный уровень в 6–8 раз [5, с. 171]. Казалось бы, в этих условиях колхозники от продажи продуктов личного хозяйства имели возможность

сосредоточить в своих руках значительные денежные суммы, но этого не произошло по целому ряду причин.

Одной из таких причин стало увеличившееся налогообложение колхозного крестьянства. Помимо денежного сельскохозяйственного налога (его размеры в 1943 г. были увеличены), и единого военного налога, которые распространялись на всех сельских жителей (на 1 января 1943 г. в сельской местности Саратовской области насчитывалось 94 тыс. дворов неколхозного населения)¹ крестьянский двор облагался натуральным государственным налогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и др. Норма сдачи (за символическую оплату) мяса определялась в пределах 40–60 кг и молока – 100–280 кг, 100 штук яиц, 1,5 овчины. Поставки взимались независимо от наличия скота и птицы. Если колхозник не держал животных, он обязан был любыми путями приобрести эти продукты (купить на рынке, занять, заработать и т. д.) и сдать государству [56, с. 264].

В то же время к взиманию натуральных поставок государство подходило дифференцированно: от них полностью или частично освобождались семьи фронтовиков. Так, например, в 1944 г. из более 190 тыс. хозяйств саратовских колхозников вручено обязательств по мясоставкам 110136 хозяйствам, по молокопоставкам – 89469 хозяйствам [57, л. 3]. В целом за годы войны доля налогового обложения сельского населения увеличилась в 5 раз, а в расчете на один колхозный двор, не имевший льгот, – в 6 раз. Именно необходимость выплаты всех видов налогов заставляла в первую очередь крестьян вывозить на рынок имевшиеся у них сельскохозяйственные продукты, даже если они не представляли излишков. Крестьяне шли на это при том, что они теряли ощутимые суммы на доставку продуктов на рынок. Выступая на одном из заседаний облисполкома, первый секретарь обкома ВКП (б) П. Т. Комаров возмущался: «Для колхозников не организована возможность продать с.х. продукты на рынке, если он едет на рынок, с него шофер возьмет 100 р. за проезд, да за перевозку картошки он должен заплатить 100 р.» [58, л. 289].

Не менее значительным каналом мобилизации денежных средств сельского населения в годы Великой Отечественной войны являлись поступления в виде государственных военных займов и денежно-вещевых лотерей. В мероприятиях по их распространению были задействованы практически все звенья партийно-советского аппарата, хозяйственных и общественных организаций. Для решения всех организационных вопросов в области, городах и районах были образованы специальные комиссии во главе с председателями соответствующих исполкомов

советов. В период подписных кампаний на военные займы только информационно-справочных столов в области действовало более 3 тыс. [59, л. 67]. Подписка на Первый военный заем (1942 г.) среди колхозников Саратовской области составила 86,6 млн руб., на Второй (1943 г.) – уже 186,8 млн руб., на Третий военный заем (1944 г.) – 140,6 млн руб. [59, л. 25, 67]. Сами же подписные кампании на военные займы на селе, как, впрочем, и в городе, сопровождались высоким патриотическим подъемом, о чем свидетельствуют все виды источников – от официальных документов до устных воспоминаний свидетелей тех событий. Было немало колхозников, которые отдавали по займам значительные суммы. В 1943 г. в Саратовской области более 20 чел. подписались по 100 тыс. руб., а средняя сумма подписки колхозников на Второй военный заем, по сравнению с предыдущим, выросла в 3 раза (с 335 до 1000 руб.) [59, л. 25]. Следует иметь в виду, что в покупке займов участвовали непосредственно и сами колхозы, но назвать точные суммы по ним не представляется возможным, поскольку они учитывались вместе с промышленными артелями. Единственное, что можно сказать относительно этих количественных показателей: они были значительно ниже сумм индивидуальной подписки (21,5 млн руб. по Второму займу и 22,8 млн руб. по Третьему займу) [60, л. 78].

Реализация же денежно-вещевых лотерей вообще происходила в основном в селах, где их распространением, помимо сотрудников районных сберкасс, занимались уполномоченные сельских советов и налоговые агенты. С целью стимулирования их труда только в 1944 г. было выплачено в качестве вознаграждений более 689 тыс. руб. [61, л. 112]. По этой статье доходов государственный бюджет получил от Саратовской области за годы войны более 211 млн руб. [62, л. 253; 63, л. 83; 64, л. 172]. Подписка на военные займы и денежно-вещевые лотереи, а тем более реальная их оплата, выявили одну из характерных тенденций: их общие суммы росли в первые 2 года войны, а затем они стали снижаться, что свидетельствовало о произошедшем в это время истощении наличных денежных ресурсов у сельского населения. Действительно, если до 1943 г. доля колхозников в общей сумме подписки на госзаимы увеличивалась, по сравнению с рабочими и служащими: заем 3-й пятилетки – 15%, Первый военный госзаим – 30%, Второй военный госзаим – 42%, то по Третьему займу (июнь 1944 г.) она снизилась до 33%. За полгода на Третий военный заем удалось от колхозников получить лишь 56,5% оплаты суммы их подписки, а по Четвертому займу (лето 1945 г.) вообще произошло невыполнение плановых заданий по подписке среди этой категории населения [59, л. 66; 60, л. 3; 63, л. 79–80; 65, л. 104; 66, л. 4], в то время как

подписка на этот заем по Саратову по-прежнему осуществлялась в течение одного дня. Подобные процессы можно было наблюдать и в отношении покупки сельским населением денежно-вещевых лотерей.

Сокращение доходов, получаемых сельскими жителями от свободного рынка, начиная с 1944 г., происходит по причине снижения цен на реализуемые ими здесь продукты, что было обусловлено главным образом увеличением объемов продукции, получаемой горожанами от подсобных хозяйств предприятий и учреждений и индивидуальных огородов, ростом поголовья скота в городах. При этом уровень обложения сельского хозяйства в городах был в среднем в 10 раз ниже, чем на селе. Поскольку к 1945 г., как уже говорилось, цены упали, денежные остатки городского населения начали расти быстрее денежных остатков села. Этому же способствовало развитие продаж промтоваров городским населением сельскому и увеличение в городах числа лиц, занимающихся перекупкой продовольствия у колхозников.

Значительные денежные суммы сельские жители Саратовской области в коллективном и индивидуальном порядке жертвовали в годы Великой Отечественной войны в фонд обороны страны, активно участвовали в сборе средств на строительство танковых колонн и авиационных эскадрилий. До конца войны на эти цели в области было собрано 351 млн руб. [67, с. 186] – сумма, сопоставимая с местным годовым бюджетом. Наибольшее распространение это патриотическое движение получило в период Сталинградской битвы. Всей стране тогда стало известно имя колхозника Новопокровского района Ф. П. Головатого, внесшего в фонд обороны 100 тыс. рублей и заказавшего на них самолет для Сталинградского фронта. Позднее он купил еще один самолет. Три самолета приобрела колхозница из Куриловского района А. С. Селиванова. Как писал Д. П. Ванчинов, «в движении по сбору средств на боевую технику для фронта приняли участие все слои населения – рабочие, служащие, воины и даже школьники. Тем не менее, это движение – преимущественно колхозное, поскольку большую часть денежных сумм на строительство самолетов дала деревня» [5, с. 200]. К этому следует добавить то, что основная масса колхозников все-таки жертвовала не самые большие суммы денег, а те, кто отдавал по 100 и более тыс. руб., как правило, занимались каким-либо промыслом, прежде всего пчеловодством, в их числе были и Головатый, и Селиванова.

В конечном итоге передача в руки государства денежных накоплений крестьянством будь то налоги, оплата займов и лотерей, сбор средств в фонд обороны, какими бы мотивами это не было обусловлено – искренними индивидуальными патриотическими чувствами, коллективными

устремлениями или же морально-административным нажимом, что тоже было – выравнивала материальное положение основной массы крестьянства в годы Великой Отечественной войны. Такова была суровая действительность, практически всем жилось тогда тяжело. Сложнее всего приходилось колхозникам артелей, имевших плохие производственные показатели. Вряд ли можно позавидовать участи председателей колхозов, которые находились в ситуации как бы между молотом и наковальней. С одной стороны, необходимо было исполнять указания всех руководящих и контролирующих инстанций, а, с другой стороны, как-то поддерживать жизнедеятельность людей и хозяйств, не допуская их полного краха. Отсюда и имевшее место под угрозой уголовного наказания утаивание зерна от заготовителей, неправомерное списание якобы погибших от вредителей и болезней посевов, чтобы что-то иметь для раздачи колхозникам по трудодням и сева на следующий год, забой скота на внутривоспроизводственные нужды и на продажу до выполнения обязательных поставок.

Зачастую председатели колхозов игнорировали требования о расширении посевных площадей, понимая, что наличным составом колхозников, где, как уже говорилось, преобладали женщины и подростки, техники и тягла с этим не справиться. Шли на всевозможные хитрости при выполнении предписаний «сверху» о сроках сельскохозяйственных работ и методов их выполнения. Председатель уже упоминавшегося колхоза им. Ворошилова Новоузенского района М. И. Китаев на совещании в Москве, состоявшемся в январе 1945 г., прямо заявил на этот счет: «В колхозе допускается ранний сев вразброс семян, который дал 24 ц с га. Сев этот ведется крадучи: когда идет машина – мужики ложатся в балку; машина прошла – опять сеют» [68, л. 116]. Опытные сельские руководители сопротивлялись, как могли, неправомерным требованиям по агротехнике. Вот что говорил по этому поводу председатель колхоза им. Калинина Воскресенского района Марьин на сессии Облсовета 6 января 1944 г.: «В 1942 г. нас заставляли сеять под культиваторы, тогда как культиватор берет 5–6 см. Меня лично под угрозой снятия и исключения из партии заставляли сеять под культиватор. Но я сказал, что не буду» [45, л. 72]. Не от хорошей жизни приходилось им организовывать в своих хозяйствах непрофильные виды работ. Отмечая в 1945 г. неповоротливость местной промышленности области, П. Т. Комаров указывал: «Я был в колхозах Ершовского и Вязовского районов, колхозы имеют производственные предприятия: делают телеги, колеса, говорят – сами все делаем, достаем. А разве наша местная промышленность так работает. Здесь все в том, что председатель колхоза предприимчивый. И в том же районе райпромкомбинат ничего не делает» [58, л. 289].

Такова была сложная диалектика положения этой категории сельского населения. Вместе с тем приведенные факты говорят о том, что практике выживания деревни в военный период следует рассматривать в более широком плане: она касалась не только личного потребления населения, но и общественного производства, в результатах которого в тех условиях также было заинтересовано само крестьянство.

Из проведенного анализа материалов по Саратовской области совершенно очевидно, что село в годы Великой Отечественной войны как источник мобилизационных ресурсов (людских, материальных, продовольственных и финансовых) использовалось в максимально возможных размерах, а крестьянству приходилось приспосабливаться к создавшимся условиям трудовой деятельности и обеспечения своего выживания, воспринимая это как вклад в общее дело победы над врагом. В результате мобилизационной политики государства и отсутствия с его стороны таких компенсационных мер, как снабжения новой техникой и потребительскими товарами, усугубленной депортацией поволжских немцев-колхозников, сельское хозяйство региона вышло из войны в крайне истощенном состоянии. Посевные площади сократились почти в 1,5 раза, урожайность упала в 2 раза, поголовье общественного стада уменьшилось на одну треть, рабочих лошадей на 60%. В этом смысле можно с уверенностью говорить, что использование мобилизационных методов в экономике далеко не всегда означает рост производства, тем более в такой зависимой от внешних факторов отрасли, как сельское хозяйство. При ослаблении общественных хозяйств в военные годы личное подсобное хозяйство сельских жителей оказалось не только основным резервом выживания колхозного крестьянства, но и важным мобилизационным ресурсом. Вместе с тем усиление роли личных подсобных хозяйств затормозило начавшийся экономически и ментально в 1930-е гг. процесс пролетаризации крестьянства, завершившийся уже в «хрущевский период».

Примечания

¹ Решениями облисполкома освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога 29 руководящих районных работников, если их хозяйства не имели задания по посевам на полевых участках и если в личном их пользовании имелся скот, не превышавший количество, предусмотренное уставом сельхозартеля для колхозников данного района (ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 80. Л. 145).

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. 459 с.

2. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945 гг. Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1966. 371 с.

3. Шушкин Н. Н. Во имя Победы : Организаторская работа партии в годы Великой Отечественной войны : в 2 ч. Петрозаводск : Карелия, 1970. Ч. 1. 333 с. ; 1974. Ч. 2. 438 с.

4. Каревский А. Ф. Колхозное крестьянство Куйбышевской области в Отечественную войну. Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1970. 136 с.

5. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1976. 304 с.

6. Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург : Уралагропресс, 1993. 174 с.

7. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург : Издательство ОГПУ, 2002. 300 с.

8. Бондарев В. А. Селяне в годы Великой Отечественной войны : Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов н/Д : Издательство СКНЦ ВШ, 2005. 192 с.

9. Вылцан М. А. Крестьянство России в годы большой войны, 1941–1945. Пиррова победа. М. : РНФ, 1995. 79 с.

10. Земсков В. Н. Патриотический подвиг советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны // Политическое просвещение. 2011. № 2 (61). С. 33–58.

11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 7 : Экономика и оружие победы. М. : Кучково поле, 2013. 864 с.

12. Анисков В. Т. О бедной деревне замолвите слово... Социальная жертвенность и судьбы крестьянства. Ярославль : Ярославский государственный университет, 1996. 206 с.

13. Фонов А. Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. М. : Наука, 1993. 271 с.

14. Седов В. В. Мобилизационная экономика : советская модель. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2003. 177 с.

15. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский обком КП РСФСР). Оп. 1. Д. 1848.

16. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1890.

17. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-2163 (Саратовский областной отдел земледелия). Оп. 3. Д. 86.

18. ГАСО. Ф. Р-2052 (Саратовское областное статистическое управление). Оп. 4. Д. 67 а.

19. Данилов В. Н. «В Баразном Карабулаке абсолютно никаких предпосылок для развития завода нет...» Начальный этап истории Саранского завода «Электровыпрямитель» // Центр и периферия. 2020. № 2. С. 19–24.

20. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 343 (7-я саперная армия). Оп. 5438. Д. 4.

21. Китаев М. И. Трудный хлеб войны // Война. Народ. Победа. 1941–1945 : в 4 кн. Кн. 3 / сост. И. М. Данишевский, В. И. Радин. М. : Политиздат, 1980. С. 119–127.

22. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1, особая папка. Д. 4.
23. Данилов В. Н. Изменения в составе населения Саратовского Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Саратовского университета. Серия : История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 114–120.
24. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3180.
25. ГАСО. Ф. Р-1738 (Исполком Саратовского областного совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 1067.
26. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2747.
27. ГАСО. Ф. Р-1656 (Управления 7-й саперной армии). Оп. 2. Д. 4.
28. ГАСО. Ф. Р-3070 (Саратовская областная плановая комиссия). Оп. 1. Д. 71.
29. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М. : Сельхозгиз, 1948. 640 с.
30. Кондрашин В. В. Крестьянство и сельское хозяйство в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7, № 2. С. 289–300.
31. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486 (Наркомат земледелия СССР). Оп. 7. Д. 212.
32. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет КПСС). Оп. 88. Д. 592.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 7.
34. РГАСПИ. Ф. 112 (Политуправление Наркомата земледелия). Оп. 4. Д. 2.
35. Письмо т. Калинина // Коммунист. 1945. 16 февр.
36. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1580.
37. ГАСО. Ф. Р-2871 (Уполномоченный Наркомата заготовок по Саратовской области). Оп. 1. Д. 248.
38. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4.
39. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 256.
40. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 439.
41. ГАСО. Ф. Р-2163. Оп. 2. Д. 446.
42. ГАСО. Ф. Р-2163. Оп. 2. Д. 1303.
43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 640. Л. 122.
44. Лобанов В. Я. К вопросу о продовольственном кризисе в Саратовской области зимой 1943–1944 гг. // Великая Отечественная война в контексте российской истории : сборник научных трудов / под ред. Ю. Г. Голуба, В. Н. Данилова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2000. С. 119–122.
45. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1245.
46. ГАСО. Ф. Р-2613. Оп. 2. Д. 60.
47. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1247.
48. ГАСО. Ф. Р-2163. Оп. 3. Д. 290.
49. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 169.
50. ГАСО. Ф. Р-2163. Оп. 2. Д. 899.
51. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 28.
52. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 4. Д. 21.
53. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 4. Д. 26.
54. Данилов В. Н. Доходы и потребление населения Саратовской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 98–106.
55. Зинич М. С. Будни военного лихолетья : в 2 вып. М. : ИРИ РАН, 1994. Вып. 1. 125 с.
56. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы : аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М. : Энциклопедия российских деревень, 1995. 573 с.
57. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 11. Д. 125.
58. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 263.
59. ГАСО. Ф. Р-3351 (Саратовское областное управление гострудсберкасс и госкредита). Оп. 1. Д. 112 ж.
60. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 131.
61. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 1.
62. ГАСО. Ф. Р-2283 (Саратовский областной финансовый отдел). Оп. 1. Д. 18.
63. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 98.
64. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 217.
65. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 118.
66. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 148.
67. Синицын А. М. Всенародная помощь фронту : о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М. : Воениздат, 1985. 319 с.
68. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 218.

Поступила в редакцию 03.01.2022; одобрена после рецензирования 06.01.2022; принята к публикации 31.01.2022

The article was submitted 03.01.2022; approved after reviewing 06.01.2022; accepted for publication 31.01.2022